

А.Г. Здравомыслов: его деятельность и наследие еще предстоит изучить. К 85-летию со дня рождения

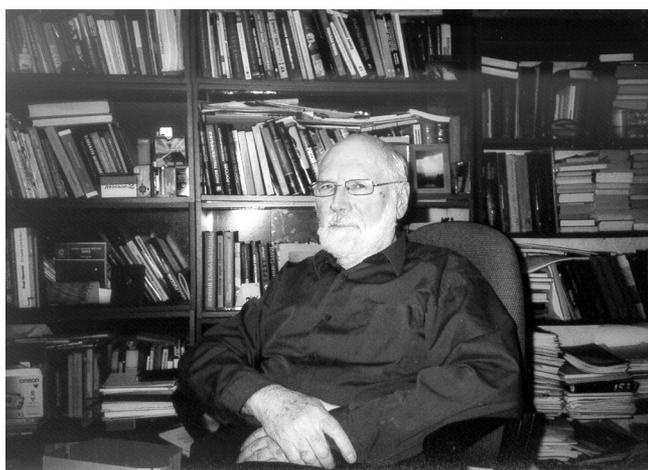
Сделанное Андреем Григорьевичем Здравомысловым (1928-2009) для становления и развития советской/российской социологии навсегда определило его высокое положение в любом самом коротком перечне основателей нашей науки. В этом году ему исполнилось бы 85 лет. Цель этой статьи

— весьма ограниченная, камерная. Вспомнить Здравомыслова и, обращаясь к архиву переписки с ним, показать некоторые стороны его личности и творчества.

Борис Докторов

Четыре десятилетия общения

Моя первая встреча с Андреем Григорьевичем Здравомысловым произошла в конце февраля - начале марта 1968 года в Большом зале Санкт-Петербургского (тогда — Ленинградского) университета. Наряду было очень много, отмечалось 60-ле-

тие декана философского факультета Василия Павловича Рожина. Свидание там мне назначил Здравомыслов, когда я позвонил ему. На мой вопрос, как я его там найду, он ответил примерно так: "Спросите у любого, кто здесь Здравомыслов?". Зайдя в зал, я сразу увидел мощную фигуру профессора психологии Евгения Сергеевича Кузьмина, которого знал уже несколько лет и который активно помогал мне в поиске работы. Я подошел к нему, рассказал о цели встречи со Здравомысловым и узнал у него, кто в этом зале Здравомыслов. Через какое-то время я заметил, что они недолго разговаривали, но подошел к Здравомыслову лишь после окончания юбилейного события. Познакомились, и он — ничего не сказав мне — попросил через день-два прийти к определенному часу в Таврический дворец. О том, что Здравомыслов ищет специалиста по математической статистике, мне скороговоркой сообщила Галина Саганенко, теперь известный в стране социолог, а тогда недавняя выпускница математико-механического факультета. Она не сказала, где он работал, а я не знал, что в Таврическом дворце располагалась Ленинградская высшая партийная школа (ЛВПШ). Опущу детали, но буквально через неделю я приступил к работе в качестве сотрудника социологической группы при кафедре марксистско-ленинской философии, которую возглавлял Здравомыслов. Почти сорок лет спустя, проводя биографическое интервью с ним, я спросил его: "Один вопрос совсем личного плана: как тебе удалось взять в Высшую партийную школу меня — беспартийного еврея, без философского образования и далекого от всякой политики, к тому же по распределению обязанного уехать из Ленинграда?". Вот его от-

вет: "Еврей ты или не еврей, это для меня ни тогда, ни потом не имело никакого значения. По-моему, я тебя рекомендовал в ряды КПСС, так что недостаток "отсутствия партийности" был устранен. Я на тебя посмотрел и понял, что из тебя может получиться неплохой сотрудник, который как раз был мне нужен. Твой взгляд говорил, что ты открыт новым идеям, умеешь учиться и вполне способен освоить новую дисциплину. Что касается высших инстанций, то мне был дан, как говорится, "карт-бланш", которым я и воспользовался. Кроме того, насколько я помню, мне тебя рекомендовал Евгений Сергеевич Кузьмин. Во время моего студенчества он был одним из наиболее авторитетных членов руководящей группы философского факультета". Вот о чем тогда переговорили Здравомыслов и Кузьмин. Они в общем определили мою профессиональную жизнь.

В конце июля 2005 года Здравомыслов прислал мне свое краткое CV, приведу его текст полностью: 1953 г. — окончил философский факультет ЛГУ; 1959 г. — закончил аспирантуру этого же факультета; 1960 г. — защита кандидатской диссертации; 1960-1967 гг. — заместитель заведующего лаборатории социологических исследований ЛГУ; 1969 г. — защита докторской диссертации "Теоретические и методологические проблемы изучения социальных интересов"; 1967 — 1969 гг. — заведующий кафедрой марксистско-ленинской философии ЛВПШ; 1968 — 1974 гг. — заведующий сектором методологии и техники социологических исследований Института конкретных социальных исследований АН СССР; 1974 — 1991 гг. — старший научный сотрудник, в 1991 г. — заведующий сектором социологии партии в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; 1991 — 2003 гг. — директор Центра социологического анализа межнациональных конфликтов Российского независимого института социальных и национальных проблем, с 2003 г. — главный научный сотрудник; с 2005 г. — главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Таким образом, вместе со Здравомысловым я работал не более двух лет, но нечто, соединившее нас, не пропало. Я благодарен Здравомыслову за то, что в те далекие годы он не учил меня, а просто дал возможность задуматься о социологии, тогда абсолютно новой, и не только для меня, исследовательской области, и постепенно узнавать людей, которые десятилетием раньше сами открыли эту науку для себя и начали внедрять ее в советское общественное сознание и политическую систему.

Какое-то время после его переезда в Москву мы не встречались, потом наше общение восстановилось. Видимо, с середины 1980-х я старался хотя бы раз в год писать ему о сделанном и планах.

В начале 2000-х, после того, как моя жизнь в Америке приобрела некоторую стабильность и обозначилось мое возвращение к исследовательской работе, наша переписка возобновилась и приобрела регулярность. Во всяком случае, 6 октября 2000 года я писал ему "... но человек лишь предполагает, а Бог — располагает. Не все потеряно, хочется думать. Увидимся", за

день до окончания 2004 года он отметил: "Очень рад, что ты восстанавливаешь свою итоговую традицию в переписке со мной".

К лету 2005 года я давно, но все же относительно слабо знал Здравомыслова; эта ситуация заметно изменилась, когда я начал свою серию биографических интервью, предложил ему побеседовать (с помощью электронной почты) и получил его согласие. Возможно, моя просьба была сделана по телефону (письма с таким предложением я не обнаружил в моем архиве), но так или иначе, в конце июля того года Здравомыслов приложил мне свое CV (приведено выше) и перечень основных публикаций. Тогда я ему ответил: "Я так думаю, хочу так думать, что это — первая ласточка, возвещающая о том, что и наше интервью состоится". Заканчивалось лето, и 22 сентября 2005 г. я вернулся к теме интервью: "Андрей, мы так долго знакомы, и ты так долго в социологии, что мне и без последних материалов есть, о чем спросить. Они повлияли в том смысле, что еще более убедили меня в необходимости нашего интервью. Потому главное — это твое решение о начале интервью: когда?"

К сожалению, не все из нашей переписки сохранилось, возможно, после этого было письмо Здравомыслова, в котором он спрашивал о содержании нашей беседы, во всяком случае через неделю (28 сентября 2005 г.) я обозначил элементы содержания и процедуры интервью. Приведу текст этого письма с несколькими не меняющими сути дела купюрами:

Добрый день, Андрей,

Статью я получил, буду читать и, уверен, она дает многое для обсуждения в интервью. И не только потому, что она историко-методологическая и касается России, но и потому, что, занимаясь уже почти пять лет историческими сюжетами, все более начинаю видеть в чисто научных текстах отголоски биографии автора. Я этому учусь, я еще не овладел этим искусством... но оно вырабатывается... Автор, я не имею в виду начинающих "писателей", имеет всегда множество вариантов развития текста, но он выбирает нечто, не только в силу логики, но и эмоций. Отмечу, что твои тексты очень авторские, личностные, прежде всего в логическом (отчасти — языковом) отношении... читая их, я всегда вспоминаю еще те твои лекции, которые я слушал с Ларисой Абрамовой... ты не только обращался к аудитории, но всегда старался общаться с самим собой. Много воды утекло, тогда я был более психологом, чем сейчас, и находился под влиянием общения с Палеем и книг Бодалева. Я помню твою жестикуляцию левой рукой — это (по Палее или Бодалеву?) диалог с самим собой...

Твой вопрос о том, можно ли начать с пути в социологию я понимаю прежде всего как согласие начать интервью... спасибо...

Безусловно, начало пути — крайне важно... постараюсь объяснить, почему...

Я исхожу из того, что твое поколение начинало путь в социологию (из философии, истории, экономики...) с какой-то предметно-этической позиции... (Грушин говорит, что он был в кожанке Павки Корчагина и с маузером; Фирсов — пережил блокаду и хотел изменить мир, сначала на партийной работе, потом — на телевидении, в социологию он пришел взрослым и во многом лишенным иллюзий... Ядов был в душе хунвейбином...)... в моем поколении уже не было этого... в частности, многие <...> шли не от социальной заряженности, а от метода, который можно было применить в социологии... это принципиально...

Потому, все что ты найдешь в твоём детстве (я знаю, оно было трудным, жестким, скорее всего, лишенным нормальной "детской" коммуникации), что, по твоему сегодняшнему разумению, могло позже бросить тебя на философский факультет и потом в социологию, мне (и читателям) крайне интересно...

Мне кажется, что ты всегда считал себя философом-социологом-философом (Ядов долгое время считал себя социальным психологом и социологом, Грушин — логиком и социологом... Заславская, Шляпентох... экономисты и социологи, Гордон — историк и социолог...) и раньше других тебя потянуло в политологию... мне трудно сказать, видел ли ты политологические сюжеты, когда шел в ЛВППШ, но то место позволяло в какой-то мере реализовывать подобные планы... <...> сейчас это тоже надо, но меня интересует логика и интенция тех давних исследований (бюджеты, труд, пропаганда)... я тогда ничего кроме методов обработки не понимал и не анализировал материалы...

Пиши спокойно, можешь сам задавать себе вопросы (пусть левая рука активно действует), можешь не сдерживать себя в ответах на мои уже задававшиеся и будущие вопросы... <...> если мы перевалим заметно за 80000 знаков (два листа), то опубликуем в двух выпусках "Телескопа"...

Мне интересны твои ответы по поводу "социологического марксизма", я спрашивал об этом тебя раньше, который был иным, чем у чистых философов... я опять же вспоминаю твои споры на кафедре <...> мне казалось тогда, что те люди не были искренними в своих рассуждениях, они во что-то играли, но теперь я понимаю, что они могли действительно так думать... они не понимали, что своими интерпретациями они губили то, что пытались защитить...

<...> Ты долго работал в Институте Маркса-Энгельса (?)... что это была за работа? Что бы ты сказал об отношении власти к социологии, ее выводам? Что, по-твоему, произошло с теоретическим обоснованием перестройки? Оно было? Были ли в работах — пусть очень закрытых — какие-то предложения, спекуляции, догадки... о том, что СССР вот-вот развалится... Я был когда-то на одном закрытом семинаре в АОН, у Керимова... он, помню, говорил, если не у нас обсуждать, то где еще? Или власть боялась признаться себе...?

<...> Я помню на одном из заседаний кафедры в ЛВППШ выступал МА. Кисель... это было для меня новым и интересным... почему ты его тогда пригласил? Уже тогда у тебя был интерес к истории науки? Почему почти вся история русской социологии была отдана Чагину? В те годы я ничего не понимал, но сейчас задумываюсь о взрывной силе исторических исследований. Он никого не подпускал к русской социологии? Или думалось, что там нет чего-то для нормального (позитивного, позитивистского) анализа?... всех сдерживали идеологические "шоры"?

<...> Теперь о технологии интервью: если можешь, пожалуйста, отсылай порциями, не надо ждать, когда много накопится... диалог помогает в работе, придает интервью живость...

В письме упоминаются лекции Здравомыслова, которые он читал в ЛВППШ в 1968-69 годах и которые я и его сотрудница Лариса Петровна Абрамова всегда посещали. С содержанием этих лекций можно ознакомиться сейчас, они составили основу его книжки по методологии социологических исследований [1]. В них было много интересного, но еще важнее для меня была их атмосфера: то были озвученные внутренние диалоги. Замечание о "жестикуляции левой рукой" оказалось, по-видимому, созвучным пониманию Здравомысловым своего стиля письма и чтения лекций. В наших телефонных беседах он просил уточнить, что я имел в виду, и запомнил. Это видно в надписи на его книге о восприятии немцами русских, сделанной 6 декабря 2006 г.: "Дорогому Борису Докторову. На память о первых лекциях, на которых автор жестикулировал левой рукой. А. Здравомыслов" [2].

Наше интервью по электронной почте проходило как обычный дружеский разговор: то ускоряясь, то затихая. Продолжалось оно более года и сопровождалось обменом значительным числом писем общего и профессионального содержания.

ния. Текст интервью получился весьма объемным. Большая часть беседы была передана для публикации московскому "Социологическому журналу" [3], но текст в "Телескопе" [4] не был урезанным вариантом указанного материала: около 20 процентов его содержания приходилось на фрагменты, отсутствовавшие в московском издании. Допускаю, что проделанная работа в целом удовлетворила Здравомыслова, наша неспешная беседа позволила ему многое рассказать о себе. Через два года он включил текст интервью в свою — оказавшуюся итоговой — книгу по теории и истории социологии [5].

В последние годы жизни он тяжело болел, долго находился в больнице, потому мой отчет о сделанном в 2007 году, отправленный Здравомыслову накануне 2008 года, начинался словами: "Андрей, очень рад твоему возвращению домой, понимаю, что многое в твоей поправке зависело (и будет зависеть) от твоих усилий, воли... это так важно. Год завершается, очень сложный для тебя, желаю тебе сохранять оптимизм, верить в свои силы и в возможности медицины". Его ответ не был очень оптимистичным (29 декабря 2007 г.): "Боря, привет! С Новым Годом. Как раз когда ты прислал мне последнее письмо, я свалился, теперь понемногу поправляюсь. АЗ".

За две недели до смерти (25 мая 2009 г.) он продолжал работать и просил меня указать сайт российско-американского проекта "Международная биографическая инициатива" [6], на котором размещено множество воспоминаний российских социологов.

Но 7 июля 2009 года утренняя электронная почта содержала послание В.А. Ядова. Одна строчка крупными буквами: "ЧАС НАЗАД УМЕР АНДРЕЙ ЗДРАВОМЫСЛОВ".

Три сюжета к портрету Здравомыслова

Указанное интервью со Здравомысловым на сегодняшний день является самым полным рассказом о его жизни и направлениях деятельности. Сейчас я попытаюсь дополнить портрет Здравомыслова материалами более позднего происхождения.

Сюжет первый. Помощь коллеге

21 ноября 2006 г. я сообщил Здравомыслову о том, что в то время проводил интервью с профессором Кларой Григорьевной Барбаковой, которую много лет знал и по приглашению которой многократно ездил в Тюмень для чтения лекций и участия в разных научных конференциях. Именно в тот день я получил от нее очередную порцию ответов на вопросы интервью, и в них содержалась история, относящаяся к деятельности Здравомыслова.

Фрагмент из интервью с К.Г. Барбаковой:

Но, а второй пример, ты знаешь, по-моему, я тебе говорила, что я докторскую защищала 11 раз — в 4 советах, на 6 заседаниях экспертного совета ВАКа и на Президиуме ВАКа, с 1977 г. по 1986 г. До сих пор очень благодарна Здравомыслову А.Г.: сюжет интересный — на предпоследнем заседании экспертного совета мне сказали, что мою работу отдадут независимому высококвалифицированному специалисту. И когда я пришла на последнее заседание экспертного совета мне сказали, что независимый эксперт дал очень хорошую характеристику моей работе, после чего меня утвердили. Прошло несколько лет, я стала председателем совета в ТюмГУ и по делам совета попала к Е.В. Рогольской и ее спросила кто же был тот независимый эксперт, она мне назвала фамилию Здравомыслова. В 1991 году я была на какой-то конференции в Москве, где выступал Здравомыслов (до этого времени я его не видела и знала только по работам). Я подошла к нему, предварительно подписав нашу книгу с Мансуровым В.А. "Интеллигенция и власть": "С признательностью, Барбакова К.Г.". Он был очень удивлен именно этой приписке. И спросил — за что? Я ему объяснила, он конечно этого эпизода не помнил.

Сюжет второй. Доброе слово о коллеге, друге

Тексты Здравомыслова, возникшие как отклики на смерть Ю.А. Левады и Б.А. Грушина, с которыми он долгие годы под-

держивал добрые, дружеские отношения, интересны в историко-научном и собственном биографическом плане. Они приоткрывают коммуникационный мир советских/российских социологов первого поколения и одновременно характеризуют Здравомыслова как историка нашей науки и человека, глубоко переживавшего уход близких ему людей. Не могу припомнить, кто еще столь детально описал проводы Левады и кто из ровесников Грушина был также последователен в анализе его творчества.

Моим ранним утром 21 ноября 2006 г. я отправил Здравомыслову восточку-просьбу:

Андрей, Дима Рогозин (БД; Дмитрий Михайлович Рогозин, сейчас — директор Центра методологии федеративных исследований РАНХиГС) особенно выделил твое выступление на прощании с Юрой Левадой... пожалуйста, если нет текста, напиши основную посылку. пусть несколько фраз... я хотел бы поместить их в "Телескоп"... Боря

Через два с половиной часа я получил этот текст:

Боря, на прощание с Юрой пришло много народу. Зал на Троекуровском кладбище вместил (БД: возможно, не вместил?) всех. Заходили по очереди и этот проход занял не менее 20 минут. По моей прикидке было около 800 человек, но Боря Грушин считает, что это преувеличение. Много было прессы. Там над залом был второй ярус, на котором расположились осветители и киношники. Открыла церемонию Люда Хахулина, вел ее Алексей Левинсон.

Люда сказала несколько слов о том, что значил Юра для их коллектива, она зачитала телеграмму от Путина (полезно было бы тебе ее воспроизвести). Затем слово было предоставлено...кому же ты думаешь? Касьянову — бывшему председателю правительства и лидеру какой-то правой партии, намеревающейся выдвинуть его кандидатуру на президентских выборах! Он что-то говорил о социологии и Юре.

За ним выступил другой вечный кандидат в Президенты России — Жириновский. Он заявил, что выступает от имени Государственной Думы! Его речь была более взвешенной и спокойной, но тоже про социологию. Затем наша дама — борец за гражданские права при Президенте России, которая благодарил Юру за участие в работе ее комиссии.

После этого выступали Заславская, Ядов, Гражданкин, Грушин. Время оставалось, и Алексей прошел сквозь толпу мимо меня к Гайдару (но он отказался от выступления), рядом с ним стоял Ясин, который произнес несколько достаточно добрых слов признания, затем Шанин. Время оставалось.

Выступил еще один молодой человек из Левада-Центра, который поставил Юру в ряд с известными диссидентами Сахаров, Богораз... еще несколько имен.

Время опять оставалось, и я подошел к Алексею во время этой речи и попросил слова. Алексей объявил: "Слово предоставляется Андрею Григорьевичу". Я подошел поближе и встал так, чтобы видеть лицо Юры. Оно было бледно и неподвижно.

Вот то, что я сказал, (по памяти):

Я знал Юрия Александровича с 1966 года (дата требует проверки) — со времени проведения знаменитой первой общероссийской — Всесоюзной социологической конференции, которая проводилась в Сухуми. Конференция была посвящена количественным методам в социологии. Тогда мы были молоды и полны энтузиазма — веры в свою науку. С тех пор мы стали друзьями. Но наши отношения с Юрой были свободны от каких-либо обязательств, они основывались на чувстве взаимной симпатии друг у другу.

Когда мне бывало трудно, то Юра мог сказать всего два слова "Держись, старик!", и такая мужская поддержка от него значила очень много.

Я бы хотел подчеркнуть, что Юрий Александрович в годы перемен, произошедших в стране, не менял своих убеждений. Он оставался верным тем идеям, к которым пришел в моло-

дости. Его первая книга "Социальная природа религии" стала предметом и его докторской диссертации. Она остается значимой и сейчас. Тот, кто интересуется вопросами социологической теории, найдет в ней немало важных положений, ибо в ней представлено многообразие теоретических подходов к рассмотрению общественного сознания. Здесь и марксистское, и дюркгеймианское, и веберовское понимание религии, а без этого нет современного социологического образования. Эти идеи вошли и в знаменитые "Лекции по социологии", о которых здесь уже упоминалось.

Прощай, дорогой друг!

После прощания состоялся вынос гроба. Могила была приготовлена примерно в трехстах метрах от выхода из ритуального зала. Гроб опустили работники и присутствовавшие на погребении стали бросать землю. Земля была сухая и подмороженная, так что первые комья отдавались гулко о крышку гроба. Каждый удар во мне отдавался как "Прощай, прощай". Затем опять к делу приступили работники и образовался могильный холм. Откуда-то возникла надпись и крест, и скоро все это пространство оказалось засыпано венками и цветами. Где-то там были и мои четыре розы — красивые внутри и с синеватым оттенком снаружи.

Спи, дорогой Юра... и люди стали расходиться длинной нестройной чередой.

По дороге мы с Николаем (Лепиным) потеряли друг друга, но потом на выходе из кладбища вновь встретились. Мы не воспользовались подготовленным автобусом, а поехали на поминки на моем фольксвагене.

На поминках вновь были речи. Николай первым взял слово, затем я рассказал чуть подробнее о деталях. Я вспомнил первый банкет по поводу открытия Института конкретных социальных исследований и тост Юры про социологию и про конференцию, посвященную 150-летию со дня рождения Маркса, которая проходила в том числе и в Ленинграде, и на этой конференции Юра выступил с лучшим докладом. Потом я рассказал, как один из главных начальников из ЦК сказал мне лично уже после кампании, проведенной против Юры: "Что Вы так волнуетесь, АГ? Ведь мы же его даже не исключили из партии, пусть себе работает спокойно в ЦЭМИ". Из этих слов можно было сделать вывод, что вопрос о мере наказания за лекции обсуждался "на самом верху" и принятое решение — свидетельствовало о прогрессе, по крайней мере, в средствах контроля.

В 30-е годы его бы расстреляли, в 50-е обязательно исключили из рядов и, возможно, послали на лесоповал. А вот в начале 70-х лишь передвинули на другую работу, возможно даже, "по собственному желанию".

Очень я жалею, что все переносил нашу встречу, которая должна была состояться... но я не знал, что никогда не надо переносить нечто намеченное. Поэтому пытаюсь исправить.

Пока все, дорогой Боря. Можешь считать, что ты почти присутствовал на похоронах Юры. Что видно с других точек зрения? А.

Я сразу же ответил:

Спасибо, Андрей, то, что я видел сегодня на картинке ТВ, дополняет твоё описание.. в текст для "Телескопа" я включу лишь фрагмент (кроме твоих там будут материалы Лепина, Ядова, Ирины Елисейевой, Дубина, Левинсона, Гудкова, Паниотто, сейчас пишет Шляпентох), но для сайта хочу подготовить все... сегодня напишу Люсе Хохулиной, может пришлет текст президентского письма.

Через несколько часов от Здравомыслова пришло дополнение к вышеприведенному письму:

...После меня выступал Засурский — декан факультета журналистики МГУ (возможно, сейчас он уже эту позицию оставил) Он принес благодарности за прочитанный тогда курс лекций и просил прощения то, что в те времена не сумели за-

щитить Ю.А. от нападок на лекции и лишили его звания профессора ими же и присвоенного несколько ранее.

На поминках весьма содержательной была речь Гудкова — ты бы обратился к нему за воспроизводством. А.

На мое замечание о том, что конференция в Сухуми была в апреле 1967, Здравомыслов прислал еще один уточняющий текст:

Значит, я допустил ошибку в дате. В 1966 году мы были вместе на Эвианском конгрессе. А познакомились мы еще раньше — до Кении. С начала 60-х годов. А еще до образования ИКСИ я работал у Левады в Отделе. Вчера по "Эху Москвы" прошла передача о Юре, участвовали Гудков, Дубин, Левинсон. Они объясняли смысл девиза "От мнений к пониманию" и говорили о всех ключевых проблемах. А.

Не прошло и года, 18 сентября 2007 года я получил от Здравомыслова небольшое письмо, начинавшееся словами: "... вот и еще одна потеря. Сегодня в 10-00 по московскому времени окончилась жизнь Бори Грушина" и завершавшееся так: "И таких людей мы не умеем ценить! Когда-нибудь — пройдет время — и Борису будет поставлен памятник может быть "у трех вокзалов", может быть — на Волхонке 14 с надписью "Первому россиянину, описавшему сознание людей в эпоху социотрясения 80-х и 90-х"". Поясню, на Волхонке 14 размещался Институт философии АН СССР, в котором многие годы работал Б.А. Грушин.

В письме было много добрых слов об умершем коллеге, и я не думал, что Здравомыслов вскоре вернется к этой скорбной теме. Потому был удивлен, когда через три дня (21 сентября) появился новый текст:

Боря, сегодня похоронили (передали кремации в крематории Хованского кладбища) Борю Грушина. Собралось много людей проводить его в последний путь. Все проходило по гражданскому обряду. И это вполне понятно, Боря не заигрывал с религией и не надеялся на бессмертие. За все платил сам и объяснить все стремился на основе эмпирических данных о людских побуждениях и страстях. Разгадал ли он загадку общественного мнения? "Мнения о мире и мир мнений" (1967). С одной стороны, оно есть, а с другой стороны — его нет! Наверное, об этом мы узнали бы по выходе 4-го тома "Четырех жизней в России". Во всяком случае, им зафиксирована картина массового сознания в определенной динамике.

Это было сделано еще в советский период в содружестве с большой командой сподвижников и единомышленников, как в "Комсомольской правде", так и в ряде книг. Мне кажется, что главная из них "Массовая информация в советском промышленном городе" (1980). Она построена на информационной теории общества и на идее прямой и обратной связи "власти" и "населения".

Большой период работы связан с "Проблемами мира и социализма" (Прага). Следующий важный этап работы — "Вокс Рорий". Конструирование образа политической, а затем и экономической элиты. Далее, динамика лидерства в эпоху "социотрясения" и сдвига цивилизации, работа во ВЦИОМЕ, разработка программы мониторинга.

И, наконец, концепция 4-х жизней — эпох, участником, исследователем и аналитиком он стал и это оказалось незавершенным проектом... Но все же есть некоторая надежда на завершение так как рукописи, как сказала Наташа (БД: Карцева Наталия Георгиевна — вдова Б.А. Грушина), в основном готовы.

Пришли мне материалы о Борисе, которые у тебя собрались теперь в связи с его кончиной и похоронами. А.

Безусловно, я переслал Здравомыслову все, что имел о Грушине. И в октябре им был закончен небольшая статья о Грушине, озаглавленная "Человек, создавший себя сам" [7]. Позже этот текст был включен Здравомысловым в свою книгу теоретико-исторических исследований [5, с. 342-346].

Сюжет третий. Самоидентификация

Перед отправкой на сайт Полит.Ру я переправил Здрavo-

мыслу вариант эссе, написанного по случаю его 80-летия. В частности, там были такие суждения:

"Ощущение себя как части русской интеллигенции обнаруживается в работах Здравомыслова, касающихся природы русскости и русского национального самосознания. Развивая релятивистскую концепцию нации [8], он трактует современный русский этнос как часть глобального человечества. Отсюда его резко негативное отношение к попыткам ряда российских ученых предложить "истинно" русскую социологию, базирующуюся на православии. Воспринявший принципы секулярной науки, в частности — марксизма, и традиции русской разночинной интеллигенции, Здравомыслов, по его словам, считает, что объяснение всего происходящего надо искать в мире людских отношений, но не в проявлении высших сил".

"Много трагического принесла Здравомыслову война: жизнь в блокадном Ленинграде, голод, смерть родных и потеря друзей, тяжелейшая болезнь. Как большинство подростков, он ненавидел немцев, ему понятна была справедливость лозунга "Убей немца!", и он отказывался изучать немецкий язык" [9].

Приведу реакцию Здравомыслова (12 мая 2008 г.):

Боря, спасибо тебе за этот опус!

Раз ты его прислал, то надо сделать хотя бы несколько замечаний (см. пометки):

1. я не стремлюсь к ИДЕОЛОГИЧЕСКОМУ самоопределению — тем более, что в нашем контексте слово "марксист" звучит как "утраченный догматик", тем более в сочетании с "традициями разночинной интеллигенции" — (Герцен разве относится к разночинцам?)

2. по моему, я нигде не употреблял термин "современный русский этнос"

3. напоминание лозунга Эренбурга "убей немца" выходит за рамки политкорректности. Я ограничиваюсь тем, что напоминаю о том, что та война была "Vernichtungskrieg" (БД: война на уничтожение) и даю определение Холокоста. А.

Для публикации текста [10] я уточнил первое суждение: "Развивая релятивистскую концепцию нации, он трактует русский народ как часть глобального человечества, а достижения России в областях искусства, литературы, науки — как элемент всемирной культуры. Отсюда его резко негативное отношение к попыткам ряда российских ученых предложить "истинно" русскую социологию, базирующуюся на православии. Воспринявший принципы секулярной науки и традиции русской интеллигенции, Здравомыслов, по его словам, считает, что объяснение всего происходящего надо искать в мире людских отношений, но не в проявлении высших сил".

Второй абзац приобрел следующий вид, здесь снижен уровень персонализации, но усилен контекст: "Много трагического принесла Здравомыслову война: жизнь в блокадном Ленинграде, голод, смерть родных и потеря друзей, тяжелейшая болезнь. Его отношение немцам формировалось в идеологической и нравственной среде, проникнутой эренбургским: "Мы поняли: немцы не люди... Отныне слово "немец" разряжает ружье" и симоновским "Ты помнишь, Алеша...". Как все подростки, он ненавидел немцев, даже отказывался изучать немецкий язык".

Из переписки по истории российской социологии

Переписка со Здравомысловым охватывала, касалась множества разных аспектов повседневности, событий, протекавших в нашем профессиональном цехе и собственно тем, которые тогда нами разрабатывались. Внизу приведены полностью (или в фрагментах) письма Здравомыслова, в которых отражено его понимание вопросов изучения истории российской социологии. В ряде случаев приводятся и мои письма; подобная диалогичность помогает понять причины и содержание писем Здравомыслова.

Письмо 1. А.Г.Здравомыслов, 30 декабря 2004

Поздравляю тебя с Новым Годом. Действительно — дело

святое. Так или иначе перебираешь в памяти основные события прошедшего. Чем-то доволен, чем-то огорчаешься. Я однако стараюсь не поддаваться этому чувству одиночества, иначе...

Читаю курс лекций в ГУ ВШЭ — по истории российской социологии. Огромная радость от возвращения к "Былому и думам". Это сейчас мое чтение беллетристического характера. Хотя по сути дела — это прорыв из прошлого в современную социологию.

Письмо 2. А.Г.Здравомыслов, 19 июня 2005 г.

Я отсытываю начало российской социологии с АИ. Герцена. А Зборовский [11] — с Михайловского и Лаврова. В этом суть того, что я назвал недооценкой, а так учебник неплохой.

Письмо 3. Б.З. Докторов, 19 июня 2005 г.

Я не знаю книгу Зборовского, потому ничего не могу сказать. Современная российская социология должна осмыслить свои корни. Ваше поколение не работало на фундаменте Герцена, но более на Марксе, Мертоне, Парсонсе. Произойдет ли синтез дореволюционной русской социологии и советской социологии? Это большая проблема. Во всяком случае, мне кажется серьезной опасностью стремление замешивать современную российскую социологию на трудах русских религиозных философов. Герцен — значительно более плодотворнее, он — западник, рациональнее подходил к истории и человеку.

Письмо 4. А.Г.Здравомыслов, 22 июня 2005 г.

Весь вопрос в том, как понимать традицию. Некоторые вещи, как бы принятые в США и других странах, просто немислимы были в советском обществе. Например, Сорокин еще в 60-е годы рассматривается как персона non grata. Почему? Потому что с 1922 года где-то в архивах хранится его расписка о добровольном выезде из страны с обязательством невизита. Только позже Голосенко начинает открывать эту дверь и в конце концов добивается успеха.

На мой взгляд, понятия традиции более широкое, это не институциональное воспроизводство, а культурный феномен.

Люди воспитываются в российской культуре и усваивают определенные ценности, сформировавшиеся в сознании предшествующих поколений. Именно через культуру мы воспринимаем Герцена, а не как важного заведующего социологической кафедрой. Это социология несколько иного рода. В ней есть необходимые компоненты — видение российского общества в целостности и вместе с тем в европейском контексте; систематичность анализа ситуации — в публицистической и мемуарной форме, понимание взаимоотношения структуры и актора (вполне современное), понимание женского вопроса (также вполне современное), взаимоотношений макро и микроуровня (вплоть до биографического метода), соотношение с современными социальными мыслителями — Марксом (марксизмом, в его терминологии), Бакуниным, и даже Контом, тем более Оуэном, Прудоном, пристрастность — и участие в движениях освободительных, понимание положения массы населения как в России, так и в других странах (средний класс), отношение к революции и реформаторству, наконец, last but not least — светское мировоззрение, что ты и отмечаешь в своем письме. По всем эти сюжетам я подобрал выписки из "Былого и дум", послал Володе (БД: В.А. Ядов) и он не знает, как это можно использовать.

К сожалению, Герцен не в чести. Ибо — революционер (по отношению к царской монархии и даже к революции 1948 года, коей он был участником). Чтобы преодолеть тенденцию, о которой ты пишешь, надо, чтобы БД (БД: "Былое и думы") стало настольной книгой каждого российского интеллигента. Кстати, посмотри, в каком количестве стран и на какие языки переведена эта книга?

Письмо 5. Б.З. Докторов, 20 декабря 2006 г.

Андрей, спасибо за встречу, беседу. Очень все было по-доброму...

Прилетел домой, на столе гора всего, что было получено по почте за дни моего отсутствия. В том числе — "Социологический журнал" с твоим интервью. Видать, сегодня я спрашивал бы чуть иначе, есть и новые вопросы, но текст уже живет сам...

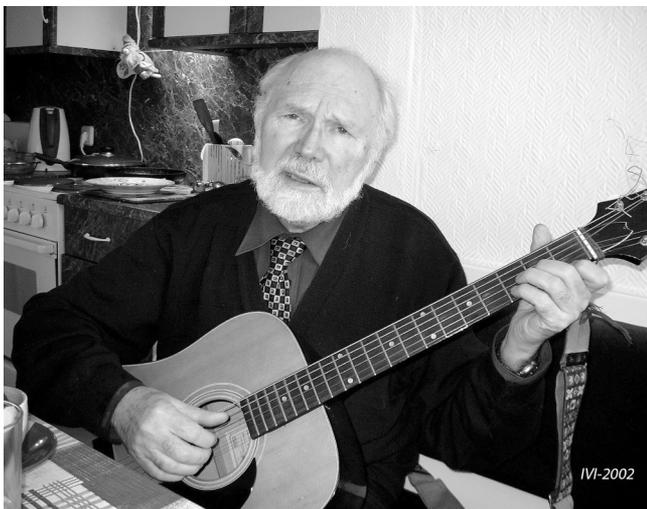
<...>

В нашем интервью ты подробнее, обстоятельнее всех моих собеседников рассказал историю твоей семьи. По-моему, это многое говорит о тебе и о твоём миропонимании, о твоих связях с прошлым. Твой интерес к истории социологии и к истории семьи — это сходные явления, это общие симптомы единой установки на понимание "былого".

Согласно твоим воспоминаниям, о социологии ты впервые узнал в 28 лет... и сейчас ты считаешь, что она пришла к тебе из классической литературы. Думаю, что в действительности процесс протекал иначе.

Твои социальные идеалы закладывались рано, в семье, где скорее всего должен был быть культ русской классической литературы... эти идеалы шлифовались и дали о себе знать в 60-е годы... социологическое видение возникло у тебя под влиянием и анализа марксизма (кто-бы и что-бы сейчас о нем в России не говорил, это мощнейшая социальная теория) и под воздействием социальной атмосферы (Окуджава... а ты — любитель пения, сейчас я вспомнил, что это мне еще говорила Лариса)... и только после того ты реально смог увидеть в русской классике социологию... без всего, что было в марксизме и в политической атмосфере, ты не нашел бы социологию у Толстого, Герцена, Некрасова... хотя она там, естественно, есть.

Письмо 6. А.Г.Здравомыслов, 25 декабря 2006 г.

Боря, вот тут ошибка: "Согласно твоим воспоминаниям, о социологии ты впервые узнал в 28 лет... и сейчас ты считаешь, что она пришла к тебе из классической литературы". Слово "социология" — это не сама социология. Не она ко мне пришла, а я к ней пришел. Я не вижу большой разницы в семейном окружении у Володи (БД: В.А. Ядов) и у меня. В школах мы учились разных, но примерно в одно время и по единой программе, где проходили "Кому на Руси жить хорошо?", а в детстве читали по-видимому Аркадия Гайдара.

Оба мы проходили комсомольскую школу жизни (его школа при этом была более солидная) и учились на том же факультете. Он был весь заиклен на идеологии и даже писал про это кандидатскую диссертацию, а я — про интересы. И та, и другая темы — социологичны по существу. И именно отсюда надо вести историю ознакомления с социологией (приближения к...). Я занимался Парсонсом, он — Мангеймом.

Жизненная школа тоже примерно одинакова — он исключался из партии (и восстанавливался), работал на заводе, а

работал на фабрике, а потом в угольном районе — жил в доме, построенном зеками. Но классическая русская литература сидела в подсознании — у него, не в меньшей степени, чем у меня. Но люди различаются тем, копаются ли они в своем собственном подсознании. Если не копаешься, тогда, действительно, "все возникает из ничего". Борис Грушин в еще большей степени был заряжен на классиков марксизма. Его первая работа посвящена Логике "Капитала" Маркса. Думаю, что между этой его работой и последующим интересом к массовому сознанию также есть промежуточные звенья подсознательного характера, основанные на семейном опыте, школьном и дошкольном восприятии. Для Бориса большее значение, чем для ленинградцев, имело живое обсуждение текущих проблем.

А песня, которая повлияла на всех нас в самой большой степени была спета, конечно, не Булатом Шалвовичем, а Никитой Сергеевичем. Окуджава — это параллельное явление, подкрепляющее установку, но не порождающее ее. Для Грушина референтная фигура того времени — Воронов (БД: Юрий Петрович Воронов) — главный редактор "Комсомольской Правды", который и открыл ему путь к изучению общественного мнения. Не было бы Воронова, не было бы и Грушина. Здесь происходит процесс вытеснения в подсознание определенных фигур и действий и возникает иллюзия "из ничего". И ты совершаешь большую ошибку методологического плана такую иллюзию озвучивая и поддерживая. Но это общий закон динамики индивидуального сознания — ведь иллюзии так приятны! Я — ИМЯРЕК — САМ СЕБЯ СОЗДАЛ ИЗ НИЧЕГО БЕЗ ВСЯКИХ ПРЕДПОСЫЛОК! Конечно же, это асоциологическая позиция по отношению к себе у некоторых социологов.

Письмо 7. А.Г.Здравомыслов, 4 января 2007 г.

Боря, вспоминаю, что был некий доцент в военной форме, который читал лекции по истории русской философии (отнюдь не социологии — это было бы невозможно), но затем в 90-е годы некоторые историки русской философии внезапно переквалифицировались в историков социологии. В числе их и В.Я. Ельмеев. Это произошло и с книжкой история русской философии Галактионова, кажется, посмертно. Список от Герцена до Плеханова вполне корректный — это все же социальные мыслители, хотя АИ и ГВ (БД: Александр Иванович Герцен и Валентин Георгиевич Плеханов) могут быть отнесены и к социологам. А сам В.Я. был просто "научным коммунистом". Андрей.

Это был ответ Здравомыслова на мой вопрос относительно того, преподавали ли им на философском факультете историю русской дореволюционной социологии. Учившийся там в те же годы профессор Василий Яковлевич Ельмеев в интервью, которое я с ним провел, утверждал, что такой курс существовал и его читал Н.Н. Андреев [12].

Письмо 8. Б.З. Докторов, 9 октября 2007

Андрей, отталкиваясь от моего к тебе письма с моим пониманием начала нашей современной истории, я написал небольшой материал для конференции в Тюмени. Туда я не еду, да и тема конференции — слишком широкая для меня, но Тезисы я соорудил. Будет время, пожалуйста, посмотри.. что сошлется?

Речь идет о нескольких страницах, на которых впервые излагалась концепция второго рождения современной российской социологии и приводился ряд аргументов в ее обоснование [13].

Письмо 9. А.Г.Здравомыслов, 9 октября 2007

Боря, здесь есть один вопрос, который стоит за пределами твоего текста: существует ли прошлое, о котором человек не знает? Попробуй на него ответить. А.

Письмо 10. Б.З. Докторов, 9 октября 2007

Андрей, вопросов подобного уровня масса, сразу возникает вопрос о том, что такое "знает", какой человек (отмечают, что люди Возрождения знали о прошлом больше, чем люди

Средневековья, человек сегодняшней России знает, мне кажется, о прошлом своей семьи и страны, больше, чем человек СССР... и все же я думаю, что да, многое в прошлом стерт окончательно, я называю это "невыполнимыми разрывами"... Буду думать. Боря

Письмо 11. А.Г.Здравомыслов, 10 октября 2007

Представь себе, что ты не знаешь, кто твои родители. Это ведь не означает, что они никак не повлияли на твое рождение, возрождение или новое рождение, и что никакой преемственности — нет. Ты же будешь "либо в мать, либо в отца, либо в прохожего молодца". Так и в культуре — что-то переходит внеинституционально.

Посмотри, на какие культурные компоненты обращают внимание твои респонденты, какие чувства доминируют при самопрезентации? А.

Письмо 12. Б.З. Докторов, 13 октября 2007

Андрей, я продолжаю думать о нашей истории и твоим взгляде на роль Герцена. Посмотрел книгу Голосенко и Козловского по истории русской социологии. Там нет Герцена. В чем дело? У них были иные критерии? Я понимаю, что это вопрос скорее к Игорю, но ему его уже на задать...

Хотел бы тебя спросить, почему Герцен, но, скажем, не Радищев? То, что он писал и как он писал, вполне можно назвать социальной философией, политологией и даже социологией. Мы же относим к социологии работу Энгельса о положении рабочих в Англии... Радищев писал о положении крестьян (не только) в России.

Когда-то я предлагал тебе написать статью о Герцене как социологе... мое предложение остается в силе...

21 октября 2007 года Здравомыслов прислал мне более, чем 300-страничную рукопись сборника "История и современность отечественной социологии (глазами начинающих социологов)", подготовленного под его редакцией. Это — 12 статей его студентов, в которых рассматриваются исследования дореволюционных, ранне советских и современных социологов. Была идея доработать эти тексты и сделать сетевое издание с целью стимулирования участия молодых ученых в анализе прошлого отечественной социологии. Примерно через неделю я ответил на это письмо:

Письмо 13. Б.З. Докторов, 29 окт. 2007

Андрей, добрый день, как ты? Ни ты, ни твои студенты, которым я предложил подготовить текст для сайта, ничего мне не ответили. Рассосалось? Так кое что читая в последнее время, я хочу спросить тебя, когда ты пришел к Герцену? Скорее всего поздно... если бы рано, то ты мог бы оказаться в страте, из которой вышел Буковский. Не так ли?

Дальнейшего развития эта тема не получила; состояние здоровья Здравомыслова начало заметно ухудшаться.

История — дальнорозка, должно пройти время для того, чтобы адекватно оценить сделанное А.Г. Здравомысловым и его поколением советских/российских социологов для становления и развития нашей науки. Все станет виднее. Задача тех, кому довелось жить и работать вместе с ними, рассказывать о них. Определить их постбиографию и судьбу.

Литература

1. Здравомыслов А.Г. Методология и процедура социологических исследований. М.: Изд-во "Мысль", 1969.
2. Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. М.: РОССПЭН, 2003.
3. Здравомыслов А.Г. Социология как жизненное кредо // Социологический журнал. 2006. №3/4. С. 151-186.
4. Здравомыслов А.Г. : "Если мы не можем объяснить не-

что воздействием высших сил, значит — надо искать объяснение в мире людских отношений" (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 2-10.

5. Здравомыслов А.Г. Социология: теория, история, практика. М.: Наука, 2008.

6. Международная биографическая инициатива <http://cdclv.unlv.edu//programs/bios.html>.

7. Здравомыслов А. Человек, создавший себя сам <http://cdclv.unlv.edu/archives/memoriarn/grushin_zdravomyslov.html>.

8. Здравомыслов А.Г. К обоснованию релятивистской теории нации // Релятивистская теория нации: Новый подход к исследованию этнополитической динамики России. М., 1998. С. 5-25. Он же: О пластах национального бытия. Там же, С. 188 — 193.

9. Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. М.: РОССПЭН. 2003.

10. Докторов Б. Человек, чье кредо — социология (А. Г. Здравомыслову — 80 лет) <http://www.polit.ru/science/2008/05/18/zdravomyslov_print.html>.

11. Зборовский Г. Е. История социологии / Под ред. И. Б. Зорько, Н. Я. Марголина. — М.: Гардарики, 2007.

12. Ельмеев В.Я. "Я был и остался сторонником материализма в социологии". В кн.: Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски Том 2. С. 2 3 2 4 - 2 4 8 . <http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/Publications/tom_2_1_6.pdf>.

13. Докторов Б. Российские реформы и история российской социологии / Тезисы к Международной научно-практической конференции "Гуманитарные стратегии российских трансформаций". Тюмень, 26-27 октября 2007 г. <http://cdclv.unlv.edu//archives/articles/doktorov_reform.html>.

Владимир Ядов: "Андрей прекрасно совмещал основательную начитанность с креативом"

Текст Бориса Докорова об Андрее Здравомысловом хорош тем, что высвечивает его индивидуальность. К сказанному им могу добавить несколько фраз.

Андрей прекрасно совмещал основательную начитанность с тем, что сегодня принято называть креативом, т.е. творческой жилкой.

Именно Андрей при разработке программы исследования мотивации труда молодых рабочих нашел выход, как обойти догмат о "социальном содержании" труда, что противопоставляло подневольный труд при капитализме и труд как самостоятельную деятельность в коммунистическом обществе. Мы не могли непосредственно это исследовать без сравнения данных по Питеру и, скажем, Манчестеру. И Андрей предложил концепт "социально-технологическое содержание труда" от требующего большой умственной нагрузки до бездумного "человек-машина" на конвейере. Это спасло проект.

Он же придумал индекс "логический квадрат", что по сути представляло совмещение в одном показателе ответов на три разных вопроса об отношении к своей работе.

К сожалению, случаев сотворчества с Андреем у меня больше не было. Мы в последние годы обсуждали с ним проблему национальных особенностей социологического теоретизирования и существенно расходились в содержательных характеристиках этих особенностей, каковые де факто признавал и я. Несмотря на разногласия, я пригласил Андрея прочитать пару лекций нашим студентам. Была живая дискуссия, что опять же в пользу продуктивности синергетического эффекта.